

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ФЕОДАЛИЗМ, УНИВЕРСИТЕТСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ И ФИГУРА ФИЛОСОФА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 13-06-00010а.

Анализируется роль и значение фигуры философа и философского факультета в период «университетской революции» первой половины XIX в. Особое внимание уделяется влиянию идей представителей трансцендентализма (И. Канта, И.Г. Фихте, Ф.В.Й. Шеллинга) на наблюдаемые в этот период институциональные изменения в немецких университетах. Активная пропаганда немецкими трансценденталистами принципов «Разума» и «Критики» формировала основы идеологии нового исследовательского университета, способствовала эмансипации академических практик и стимулировала процессы демаркации наук.

Ключевые слова: университет; философский факультет; демаркация наук; дисциплинарные споры; академические практики.

Университеты и экспрессия «академических генов»

Впервые в явном виде вопрос о демаркации наук поднимается, пожалуй, лишь в XIX в.¹, поскольку львиная доля дискуссий, связанных с поиском и разработкой метода науки, особенностями научной рациональности, специфики и топографии ее отдельных областей, обретают в этот период свою каноническую трактовку. Именно в XIX в. процесс демаркации дисциплин становится той самой золотой жилой, из которой добываются все новые и новые «проблемы-головоломки», поиски оригинальных решений для которых кардинальным образом не только перекраивают саму схематику философской рефлексии над основаниями науки, но и непосредственно влияют на картографию самой науки, определяя и постоянно корректируя как внутренние, так и внешние ее границы.

Западноевропейская академическая структура и научное сообщество начала XIX в. переживают процесс, который вошел в историю под именем «университетской революции», ознаменовавшей окончание сонного царства средневековой системы образования и обозначившей узловые контуры для создания современного исследовательского университета с центром в сообществе ведущих научных исследований профессоров², имеющего своим фундаментом самые разнообразные ассоциации исследователей, обеспечивающих университету не столько статус «фабрики образования»³, сколько статус подлинно научного центра. Безусловно, именно «университетская революция», направления которой были в основном очерчены ядерным образцом и эталоном – немецким университетом⁴, и прежде всего Берлинским⁵, – влекла за собой серьезные структурные последствия для всей академической системы наук, инициировав бурный процесс специализации общего академического пространства⁶.

Это оказалось весьма существенным, в том числе и для философии, поскольку прежняя позиция для философа в «дореволюционной» академической системе, определяемая как роль «интеллектуала общего назначения»⁷, теперь рассеялась по множеству дисциплинарных специальностей⁸. Более того, новое содержание интеллектуальной жизни академического сообщества, генерируемое процессом специализации, на первых порах не было лишено противоречий и амбивалентно-

сти, являясь источником серьезной демаркационной путаницы среди дисциплин, а также связанных с этим идеологических реакций, претерпеваемых исследователями во вновь образуемых специальностях, по отношению к своему месту и функциям в рамках общей академической системы.

Так, специализация напрямую вела к поиску и установлению предметных областей для новых дисциплин начиная от естествознания, психологии, социологии и других социально-гуманитарных наук вплоть до теории литературы и искусства, также получивших полновесный академический статус. При этом, с одной стороны, в тот момент, когда некоторая дисциплинарная область отделялась, овладевая контролем над своим академическим назначением, собственными ассоциациями исследователей и специализированными изданиями, обычно возникала некая, в основе своей идеологическая, декларация, подкрепляемая иногда изрядной долей риторики, при помощи которой подыскивались аргументы *post factum*, а также те или иные общие «законные» основания в пользу уже произошедшего размежевания, реализуя чаще всего принцип *manus mortua*⁹ данной дисциплины по отношению к философии. Проще говоря, эта декларация, провозглашавшая дисциплинарную независимость и обретение академического статуса, с необходимостью сопровождалась утверждением о том, что «философия уже свое отжила» и может быть замещена каким-либо иным, производным от обособляющейся дисциплины, эквивалентом, который в свою очередь опять-таки обосновывал ее претензию на самостоятельность. С другой стороны, та же самая специализация требовала и не менее широкой академической интеграции и универсализации в целях сохранения «единого здания наук», а это значит, что размышления новых дисциплин над собственными основаниями по-прежнему резервировали и нишу для «интеллектуала общего назначения» – философа¹⁰, укрепляя тем самым спрос на широкую междисциплинарную рефлексию над основаниями не автономных частных дисциплин, а уже над основаниями самой науки и как формы человеческой деятельности, и как сферы проявления рациональности человеческой природы в целом¹¹.

Неудивительно, что наблюдаемая в период «университетской революции» амбивалентность настроений в академическом сообществе (постоянно флуктуирую-

щем между полюсами специализации или универсализации) позволила фигуре философа примерить на себя не только роль «профессионального революционера», но и по совместительству роль «главы революционного трибунала», вершащего от лица науки суд над судьбами вновь образуемых академических дисциплин.

Patres nova philosophiae: триумф рациональности и дисциплинарная эмансипация

Желание рассматривать нишу философа как единственную академическую инстанцию, предопределенную на исполнение роли «профессионального революционера», более чем уместно, если мы примем во внимание эти – все новые и новые – вызовы, предъявляемые «университетской революцией» к академической среде, а также возникающие в связи с этим угрозы серьезной дисциплинарной путаницы. Намерения крупнейших философов периода «университетской революции» – Иммануила Канта, Иоганна Фихте, Фридриха Шеллинга – ее возглавить, инспирируя вокруг этого дискуссии и тем самым вербуй и мобилизуя своих сторонников в самых широких интеллектуальных кругах, выглядят вполне оправданными. Контроль над институциональной стороной этого процесса был обречен на то, чтобы стать источником разнообразных привилегий, но прежде чем заявить о своих претензиях на администрирование в области как старых, так и вновь образуемых академических практик, философии требовалось сформулировать и представить идеологически подкрепленную исследовательскую программу, которая могла бы обеспечить для нее титульные права на владение территорией науки. Разумеется, подобного рода философская программа не заставила себя долго ждать. Идеи «Разума» и «Критики», открыто исповедуемые сторонниками кантовского трансцендентализма, как нельзя лучше подходили для этих целей, требовалось только придать им необходимые идеологические очертания.

Вне сомнений, замышляя свой «коперниканский переворот в философии», Иммануил Кант ясно и отчетливо осознавал, что делает одновременно с этим и первый ход в борьбе (как оказалось, растянувшейся почти на полтора столетия) за право контролировать систему академических практик и надзирать за землями, занимаемыми различными дисциплинами, как, впрочем, и оценивать имеющийся в их распоряжении символический капитал¹². Возвышение философии над прочими науками в качестве полновластного сюзерена – цель, которую Иммануил Кант на протяжении всего своего «критического» периода не упускал из виду. Эта цель зачастую выпадает из поля зрения ортодоксальных историков философии¹³ (интересующихся, прежде всего, деидеологизированными и деконтекстуализированными идеями, которые содержатся в его знаменитых трех «Критиках»), но именно она составляла истинную подоплеку для его четвертой «Критики» – «Спора факультетов» [18]. И хотя для ее достижения он намеренно избирает провокационные средства¹⁴, тем не менее, именно эта четвертая «Критика» достигает в этом отношении значительных результатов. Вопрос о приоритете философии над прочими

науками становится остро дискутируемой в широких интеллектуальных кругах темой, все чаще выступая в качестве вновь обретенного символа веры для сторонников трансцендентализма, который без особого труда позволял приобщать к поклонению *Reinen Vernunft*¹⁵ все новые и новые массы пылких неофитов¹⁶.

Немалую роль в этом сыграли и сами аргументы, привлекаемые Кантом для оправдания своей позиции. Так, лишь на словах соглашаясь с традиционным факультетским делением, сложившимся внутри университетской структуры, на три «высших» факультета (богословия, медицины и юриспруденции) и один «низший» (философский) [18. С. 50], Иммануил Кант разворачивает активное «наступление на их земли»¹⁷, и прежде всего – на территорию, занятую теологией и апологетами богословского факультета. Апеллируя к принципу *естественной иерархии наук по отношению к «Разуму»*, а также к связи и касательству их рассуждений к структурам *a priori* [Там же. С. 56–58], Иммануил Кант обосновывает мнение о том, что философию надлежит восстановить в ее подлинном – «королевском» – положении среди всех наук, поскольку лишь она одна способна выполнить *задачу установления границ и характера знания во всех других дисциплинах*¹⁸.

Это и было начало подлинной «революции», осуществлявшейся во имя идеи «Разума» и в скором времени охватившей все немецкие университеты. Здесь мы впервые видим, как в уже сложившуюся систему камеральных академических практик, принятых на «высших» факультетах и сообразующихся, прежде всего, с соответствующими представлениями о пользе (вечное блаженство для теологов, гражданское и физическое благополучие для юристов и медиков), вводится новый тип академической практики – эмансипированной от подобных утилитарных соображений и автономной от любых внешних авторитетов¹⁹, нацеленной на одно только свободное разыскание истины. Пройдет совсем немного времени, и кантовская «эмансипация» философии и «низшего» факультета запустит процесс демаркации наук: в немецких университетах появятся новые дисциплины и факультеты²⁰. Наметив пути для превращения обычных эмпирических практик «высших» факультетов в «низшие» практики теоретического познания, она станет основой для универсальной рациональности – *Wissenschaftlichkeit*²¹, по отношению к которой будут определяться границы и степень «научности» всех вновь образуемых или активно добывающихся собственной автономии дисциплин.

Однако подлинный масштаб и степень влияния кантовских идей на систему академических практик станет для нас более чем очевидным, если мы обратимся к институциональной истории²² немецких университетов XIX в., проследив динамику интереса к идеям Иммануила Канта в академической среде и изменения численности обучающихся в этот период на философском факультете. В своем замечательном исследовании Ульрих Шнайдер обращается к истории преподавания философии в немецких университетах XIX в. [26]. Так, им отмечается, что именно «революция», разжигаемая и вдохновляемая представителями «низшего» философского факультета, оказав влияние на профессионализацию университета (сосредоточившегося теперь на двух

типах практик – преподавании и исследовании) и специализацию преподаваемых дисциплин (именно «низший» факультет стал полем будущей дисциплинарной дифференциации²³), сделала «философский факультет наиболее крупным и значимым факультетом во второй половине XIX века»²⁴ [26. С. 65]. Впрочем, не менее ожидаемым оказывается и тот факт, что Иммануил Кант к середине XIX в. становится самым изучаемым философом, значительно опережая таких авторитетных конкурентов с многовековым стажем, как Аристотель и Платон²⁵.

Другим свидетельством серьезности результатов, достигнутых в ходе пропагандистской кампании, развязанной Иммануилом Кантом против богословия, юриспруденции и медицины, стала программа университетской реформы, предложенная Иоганном Фихте, которая уже могла себе позволить содержать не только и даже не столько манифест о намерениях и амбициях «низшего» факультета по отношению к «высшим» в рамках предстоящей в недалеком будущем реорганизации структуры университета, но и план практических мероприятий²⁶, которые, как кажется, должны были в полной мере содействовать достижению заветной кантовской цели – реставрации метафизики в ее королевском статусе посредством низложения не признающих новые символы веры самозванцев – и возвращению к ней всех законных, как и полагал Иммануил Кант, титулов собственности, самым ценным из которых было право осуществлять правосудие над всей территорией, занимаемой науками. Иными словами, согласно идеологам немецкого трансцендентализма, философии надлежало стать средством свободного вопрошания и критикой по отношению ко всем остальным формам знания, подтверждая или отвергая легитимность их претензий на тот или иной академический статус.

Благодаря ревностным стараниям Иммануила Канта и Иоганна Фихте идея о безусловном приоритете философии на право осуществить раздел общего «царства наук»²⁷ на отдельные бенефиции и лены, даруя их подобно феодальному сеньору в обмен на клятву верности своим вассалам (массе бурно дифференцирующихся и специализирующихся в этот период дисциплин), была постепенно конвертирована в новую иерархию социальных ролей для интеллектуалов в рамках реформируемой академической системы. Именно фихтеанскую программу университетских преобразований, выхолащенную от излишнего радикализма²⁸, взялся осуществлять Вильгельм фон Гумбольдт²⁹ [2], установив в качестве внутриорганизационной основы вновь образуемого Берлинского университета привилегированную самоуправляющуюся корпорацию исследователей – профессоров, имеющих право без каких-либо ограничений со стороны выбирать и преподаваемые ими предметы, и направления для своих научных изысканий³⁰.

Фигура философа: роль трикстера и академические практики

Нет сомнений, что группа крупнейших немецких философских фигур XIX в. – Иммануил Кант, Иоганн Фихте, Фридрих Шеллинг, – подвергнув проблему де-

маркации наук первому серьезному и систематическому исследованию, притязает на изрядную долю социорационального капитала, накопленного в ходе «университетской революции» и использованного для радикального изменения роли и значения как исследовательских, так и повседневных практик в жизни академического сообщества³¹.

Эта группа философов-трансценденталистов (пожалуй, впервые за всю предшествующую историю идей) сделала для нас видимым наличие в самих идеях строгой социорациональной схематики, принципы которой предполагают, что любые идеи важны не только и не столько сами по себе, сколько тем, что они подлежат конвертации в определенные социальные практики и роли³². Сложившиеся затем из них структуры (т.е. то, что мы по привычке называем подходами, методами, концепциями, теориями и аргументами) становятся основой устойчивых социальных институтов, позволяющих некоторым вполне определенным идеям эффективно и методично порождать новые, укрепляя постепенно складывающуюся социальную практику и образуя целые замкнутые социорациональные системы мышления.

Идея в руках немецких философов XIX в. на практике превращается в социальный институт³³, с одной стороны, поддерживающий спрос на определенные роли³⁴, а с другой – намечающий *main stream* для новых идейных потоков. Только так, принимая во внимание действие «невидимой руки», принадлежащей социальным структурам академического мира, для нас становится доступным понимание событий, разворачивающихся на фоне стремительно меняющегося на протяжении всего XIX в. идейного ландшафта. Социорациональная трактовка философских идей Иммануила Канта, Иоганна Фихте, Фридриха Шеллинга выявляет отчетливый идеологический контекст, призванный оправдать притязания со стороны философии на роль арбитра в любого рода территориальных спорах и претензиях, возникающих между науками, и установить ее стандарты рациональности в качестве доминирующей ценности, закрепляя тем самым за философией статус единственной хранительницы общенаучного стандарта³⁵.

Начало «университетской революции», связанное с бурными процессами дисциплинарной дифференциации и специализации, позволило философии (в отличие, например, от спекулятивной теологии и богословия) воспользоваться сложившимися в академическом сообществе условиями и конвертировать свои идеи (в частности, постулат о законодательной функции «Разума» [16. С. 397–398, 413, 489, 494; 34. С. 122]) в новые социальные практики, учреждающие роль философа в качестве фигуры, обладающей *jus justitiae*³⁶ над всей территорией, занятой науками. При этом серьезной девальвации подверглись многие доселе казавшиеся незыблемыми теолого-богословские академические роли и практики. Это был явный признак снижения их общего институционального статуса. Многие из традиционных для спекулятивной теологии и богословия титулов собственности оказались к середине XIX в. просто-напросто упраздненными. В частности, была сдана в архив истории идей «концепция двойственной истины» (еще мешавшая, как мы помним, в конце

XVIII в. свободно публиковаться Иммануилу Канту) вкупе с правом богословия единолично разрешать возникающие вопросы веры. Более того, сама область, занятая теологией и спекулятивным богословием, была существенным образом урезана в пользу «земель» философии, а это значит, что в сложившихся условиях: падение институционального статуса, свертывание солидной части социальных практик, отмена или роспуск

прежних академических ролей³⁷, — теолого-богословский культурный и символический капитал, казавшийся весьма и весьма кредитоспособным, оказался подвержен чудовищной гиперинфляции³⁸; коль скоро теолого-богословские идеи уже не позволяли вводить новые и, самое главное, статусные академические роли и социальные практики, в цене теряли не только сами роли, но и организующие их идеи.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Следует признать, что ранненовременные дискуссии о границах науки (достаточно острые и продолжительные), тем не менее, не имели такого социального резонанса, как демаркационные и дисциплинарные войны XIX в., поскольку они могли претендовать только на роль манифестов, но не на роль программ действия, и уж тем более не на роль вполне институционализированных академических практик.

² Так, от профессоров теперь требовалось не столько изложение знаний, необходимых для овладения той или иной специальностью и квалификацией, сколько создание и привлечение в образовательный процесс знаний, полученных самими профессорами в ходе их научных изысканий [1. С. 834], на практике реализующих фундаментальный принцип «единства исследования и преподавания» [2. С. 5; 3. С. 66], заложенный в основаниях новых «революционных» университетов.

³ Не стоит забывать, что в «дореволюционный» период на территории Германии доминировали так называемые камеральные университеты (особо в этом отношении выделялся университет города Галле, основанный в 1694 г., где получали образование большинство будущих прусских чиновников [4. С. 22–25]). Основная цель этих университетов заключалась в подготовке чиновничьих кадров всех мастей и калибров (тем более что расширение бюрократической администрации, наблюдаемое на протяжении всего XVIII в. во всех без исключения немецких абсолютистских государствах, поддерживало растущий спрос на массу образованных чиновников [1. С. 831]). Это были, как отмечает Герберт Шнедельбах, типичные утилитарно спланированные и предназначенные лишь для целей государственного использования «мануфактуры чиновников» [3. С. 67–68]. Разумеется, подобного рода учебные заведения нельзя (даже с очень большой натяжкой) назвать центрами производства нового знания.

⁴ На приоритет немецкой университетской культуры указывают все без исключения исследователи, так или иначе обращавшиеся в своих изысканиях к истории «университетского вопроса» (например, Рэндалл Коллинз [1. С. 835]). Но, пожалуй, наиболее лаконично эту мысль сформулировал Билл Ридингс: «Немцы не только основали Университет и сформулировали его миссию, они также превратили Университет в главную инстанцию интеллектуальной деятельности» [5. С. 92].

⁵ Берлинский университет имени Гумбольдта (*Humboldt-Universität zu Berlin*) был основан 16 августа 1809 г. (впрочем, иногда встречаются и иные даты основания, например, Герберт Шнедельбах в качестве таковой указывает на 1808 г. [3. С. 66]) под эгидой прусского короля Фридриха Вильгельма III «как привилегированная корпорация с самоуправлением; профессорам предоставлялось право выбирать предметы без ограничений со стороны стандартных программ» [1. С. 841].

⁶ «Университеты претерпевали достаточную внутреннюю дифференциацию, предоставившую организационные основы для различных научных специальностей...» [1. С. 835], и надо сказать, что это был вполне типичный процесс, затронувший всех и каждого из представителей академического сообщества эпохи «университетской революции».

⁷ Термин Рэндалла Коллинза, используемый им для указания на место философа в сложившейся к началу XIX в. системе академических практик [1. С. 837].

⁸ Более подробно о роли «университетской революции» для философии и философов см. [1. С. 802–976; 3; 4. С. 31–34, 47–48, 62–63, 131–133, 138–141; 5. С. 90–114]; кроме того, о влиянии «университетской революции» на становление социальных и гуманитарных наук в целом и не только в Германии см. [6. С. 220–239; 7–12]. Впрочем, о не менее любопытных (и ожидаемо прямо противоположных западноевропейским) следствиях и особенностях университетских реформ в России см. [13; 14].

⁹ *Manus mortua* (лат. «право мёртвой руки») — право феодального сеньора на долю наследства своего серванта, реализуемое чаще всего в случае отсутствия у лица, пребывающего в серваже, прямых наследников мужского пола.

¹⁰ Именно на эту особенность философии, столь необходимую для сохранения единства в системе академических практик, указывал Фридрих Шеллинг, заявляя, что «нет такой науки, которая представляла бы в самой себе противоположность философии, — скорее все науки едины именно благодаря философии и в философии» [15. С. 49].

¹¹ Поэтому, несмотря на многочисленные риторические нападки со стороны этих активно дифференцирующихся и специализирующихся дисциплин, философия все-таки смогла сохранить свое влияние в условиях, когда все новые и новые дисциплины, казалось бы, вот-вот должны были начисто опустошить ее содержание. Скорее наоборот, философия, отслеживая (а иногда и контролируя) появление и рост новых научных дисциплин, сумела в том числе предложить и новый способ «выработки интеллектуальных инноваций на более общей (т.е. философской) почве» [1. С. 804], без которого ее академический символический капитал скорее всего безвозвратно девальвировался (подобно тому как это случилось с теологией и спекулятивным богословием).

¹² В предисловии ко второму изданию своей «Критики чистого разума» (1787 г.) Иммануил Кант открыто заявляет, что «задача этой критики чистого спекулятивного разума состоит в попытке изменить прежний способ исследования в метафизике, а именно совершить в ней полную революцию, следуя примеру геометров и естествоиспытателей. <...> благодаря этому метафизика имеет редкое счастье, которое не выпадает на долю других основанных на разуме наук [курсив мой. — А.Н.]... Это счастье состоит в том, что если метафизика вступит благодаря этой критике на верный путь науки, то она сможет овладеть всеми отраслями относящихся к ней знаний [курсив мой. — А.Н.], стало быть, завершить свое дело и передать его потомству как капитал, не подлежащий дальнейшему увеличению» [16. С. 21].

¹³ Пожалуй, редким исключением, которое не следует сложившемуся историко-философскому канону в изучении творческого наследия Иммануила Канта, оказывается исследование Жака Дерриды [17], посвященное антиномиям кантовской мысли, усматриваемым им в основаниях отношений между «университетом» и «государством».

¹⁴ Так, в частности, сам король Пруссии Фридрих Вильгельм II довольно болезненно отреагировал на работу Иммануила Канта «Религия в пределах только разума» [19], в которой им излагались и некоторые особенности преподавания теологических предметов в университете, вызвав свое монаршее недовольство, что вынудило Канта отложить публикацию этой работы вплоть до смерти короля [20. С. 3–5]. Развитие упомянутой темы различия между преподаванием философских и теологических предметов, а также о месте и роли этих факультетов в общей структуре университета стало основой для написания «Спора факультетов». Впоследствии к этой теме были присоединены две новые, поднимающие вопросы об отношениях философского факультета к юридическому (этот раздел, как и все остальные, писался в качестве самостоятельного произведения и известен также под титулом «Возобновление вопроса: Находится ли человеческий род в постоянном продвижении к лучшему?») и к медицинскому (материалом для данного раздела стал очерк, написанный Кантом как рецензия на книгу Христосфа Хуфеланда «Макробионика, или искусство продления человеческой жизни», и изначально он предназначался для публикации в «Журнале практической медицины») [20. С. 8–13]. Собрав все эти три раздела воедино, коль скоро в каждом из них излагались доводы в пользу научной автономии и приоритета «нижнего» факультета (философского) перед лицом «высших» (теологического, юридического и медицинского), Иммануил Кант публикует в 1798 г. труд под общим заглавием «Спор факультетов» [18. С. 40].

¹⁵ Характеристика кантовского трансцендентализма как религии «Разума» довольно часто упоминается его критиками. В частности, Иоганн Гаман напрямую обвинял Иммануила Канта в скрытом мистицизме [21. С. 62], а Вильгельм Дильтей, например, частенько позволял себе иронию над «магией трансцендентального метода» [22. С. 23] и суждения о кантианстве как своеобразном религиозном мировоззрении эпохи Просвещения [23. С. 394].

¹⁶ Среди них наиболее значительными фигурами были, прежде всего, братья Вильгельм и Александр фон Гумбольдты, а также теолог по академической принадлежности Фридрих Шлейермахер. Стоит заметить, что каждый из них сыграл немаловажную роль в немецкой «университетской революции».

¹⁷ Официальным поводом для этого «вторжения», по саркастическому замечанию Иоганна Гамана, стало верование трансценденталистов в то, что метафизика основана лишь на одних только принципах «Чистого Разума», «кои святее, чем религия, и величавее, чем законодательство...» [24. С. 51]. Впрочем, сам Иммануил Кант использует не менее «ядовитые» фразы, предостерегая теологов, юристов и медиков от возможных мезальянсов с философами: «...высшие факультеты должны больше всего заботиться о том, чтобы не вступать в неравный брак с низшим факультетом, а держаться от него на почтительном расстоянии, дабы авторитет их уставов не терпел ущерба от вольных умствований низшего факультета...» [18. С. 58].

¹⁸ В «Споре факультетов» можно обнаружить следующий пассаж: «В каждом университете должно быть и такое отделение, т.е. философский факультет. Он служит для того, чтобы контролировать три высших факультета и тем самым быть полезным им, ибо важнее всего *истина* (существенное и первое условие учености вообще); полезность же, которую обещают правительству высшие факультеты, есть лишь второстепенный момент <...> философский факультет включает все области человеческого знания (стало быть, исторически и высшие факультеты), но делает все эти области (а именно – специфические учения или предписания высших факультетов) не содержанием, а лишь предметом своего исследования и своей критики, имея целью пользу всех наук...» [18. С. 70].

¹⁹ Важность этого события неоднократно подчеркивается исследователями «университетского вопроса»; в частности, Биллом Ридингсом, который специально разъясняет, что: «Авторитет низшего факультета, однако, автономен, поскольку философия не зависит ни от чего внешнего; она легитимизируется самим разумом, его собственной практикой...» [5. С. 94]. Позднее основанная на кантовских принципах автономии «Разума» академическая свобода воспринималась как один из ценнейших плодов «университетской революции». Об этом косвенно свидетельствует тот факт, что на протяжении всего XIX в. речи ректоров немецких университетов, приносимые ими при вступлении в должность, содержали в качестве *locus communi* признание академической свободы, а также выражали намерение и заботу о ее сохранении и приумножении, являясь своеобразной публичной офертой руководства университета как в отношении своих сотрудников, так и общества в целом (типичный пример ректорской речи можно обнаружить у Германа Гельмгольца, текст которой был так и озаглавлен: «Об академической свободе в немецких университетах» [25], и был произнесен им 15 октября 1877 г. при вступлении в должность ректора Берлинского университета).

²⁰ Впервые дисциплинарная дифференциация приобрела институциональные формы в Тюбингенском университете (1864 г.) и в Страсбургском университете (1873 г.), когда из философского факультета были выделены самостоятельные факультеты математики и естественных наук [26. С. 66–67].

²¹ *Wissenschaftlichkeit* – это термин, который культивировался и активно использовался представителями немецкого академического сообщества в период «университетской революции». Довольно приблизительно его значение можно передать при помощи таких словосочетаний, как «природа научности» и / или «академическая культура» (причем последняя толкуется столь широко, что включает в себя не только представления о повседневности, принятой в среде интеллектуалов, но и представления о роли и функциях в академическом мире цензурных и административных практик).

²² Этот подход предполагает изучение университетов, прежде всего, как узловых центров практики преподавания и исследовательской работы [26. С. 63].

²³ Ульрих Шнайдер подчеркивает, что «в результате быстрого роста числа дисциплин на философском факультете в XX в. стало возможным проведение различия между естествознанием, гуманитарными и социальными науками, то есть всеми дисциплинами, известными нам и сегодня, включая физику, химию, историю, литературоведение, антропологию и социологию» [26. С. 65]. Более того, «неизменную гибкость философского факультета и его внутреннюю институциональную открытость можно считать основной причиной дальнейшей специализации и профессионализации научной работы» [Там же. С. 67].

²⁴ По данным Ульриха Шнайдера [26. С. 66], распределение в процентном соотношении студентов по факультетам следующее: на факультете теологии число студентов (здесь берется общая сумма для католических и протестантских теологов) в период с 1831/32–1836 по 1876/77–1881 гг. сократилось с 33,8 до 13,4 (от общего числа обучаемых), на юридическом факультете – с 28,2 до 26,0 (за тот же период), на медицинском – с 19,8 до 19,1 (за тот же период), и лишь на философском факультете число студентов выросло с 18,2 до 41,5 (за тот же период).

²⁵ Тематическая раскладка семинарских курсов в рассматриваемый период (здесь стоит отметить, что канон преподавания философии в немецких университетах XIX в. переживал бурную «историзацию», которая проявляла себя в росте числа и объема историко-философских курсов, особенно принимая во внимание утвердившееся мнение о том, что именно систематическое изучение истории философии способно играть пропедевтическую роль при освоении философии [26. С. 77–82]) строилась не по изучаемым в курсе проблемам, а по именам философов. И здесь Ульрих Шнайдер также приводит любопытные данные [26. С. 81–82]: если на начало XIX в. доминирующими именами были Аристотель (98 семинарских курсов, что приблизительно составляло 1/4 от всех проводимых семинарских курсов) и Платон (76 семинарских курсов, соответственно 1/5), то во второй половине XIX в. роль доминирующей в этом отношении философской фигуры принимает на себя Иммануил Кант, поскольку не менее 1/3 (к середине 70-х гг. XIX в. – без малого 1/2) семинарских курсов ставили его в центр своего рассмотрения. В этой связи стоит заметить, что подавляющее большинство кафедр в немецких университетах второй половины XIX в. было занято неокантианцами [1. С. 894–896, 898, 900], что для нас вовсе не является неожиданностью, поскольку идеологический фон для этого был удивительно благоприятен.

²⁶ Хотя, разумеется, сам проект Иоганна Фихте, изложенный им в работе «План нового Берлинского университета» [27], не был свободен от некоторых элементов утопизма (в целом свойственных этой философской фигуре), а значит, он и не мог быть реализован в полной мере. В частности, согласно проекту Иоганна Фихте университет мыслился в качестве своеобразной секулярной секты, в которой вся жизнь студентов и преподавателей была бы подчинена постоянным упражнениям в искусстве «научного пользования рассудком» и строго организована в соответствии с основной целью университета – воспитанием при посредстве науки для науки [28. С. 224–232; 29. С. 90–93]. Кроме того, Иоганн Фихте настаивал на строго меритократическом постулате, согласно которому только университетская степень должна давать право на все значимые должности в государстве. Это также было слишком радикальным требованием (тем не менее здесь любопытна сама попытка «взвалить» на философию «бремя» такой социальной роли, как подготовка национальной элиты), поскольку не менее воинственно настроенный Иммануил Кант занимал в целом более реалистическую позицию, предлагая лишь условную сепарацию ученых (т.е. лиц, имеющих университетскую степень) от просто образованных людей, или так называемых «практиков от науки» [18. С. 48].

²⁷ Эта идея, или даже скорее идеологема, активно пропагандировалась на протяжении периода с конца XVIII до середины XIX в. немецкими философами-трансценденталистами (например, Фридрихом Шеллингом в его работе «Лекции о методе университетского образования» [15; 29. С. 94–95]).

²⁸ Следует отметить, что программа Иоганна Фихте, выдвинутая им в 1807 г. [27] (т.е. спустя почти десять лет после кампании, предпринятой Иммануилом Кантом), действительно была выражением ультрарадикальных взглядов, поскольку предлагала такой план реорганизации университетов, согласно которому все «высшие» факультеты, обеспечивающие нужды государства и профессиональное образование в областях богословия, юриспруденции и медицины, упразднились, а обучение должно было осуществляться посредством лишь одной философии (или, если быть более точным, при помощи того, что Иоганном Фихте называлось «Наукоучением» [29. С. 92–93]).

²⁹ Это вполне объяснимо, ведь «аргументы в пользу университета в новом обличье выдвигали только философы: когда Гумбольдт начал свою деятельность, по этой проблематике уже детально высказались в лекциях и публикациях Шеллинг, Фихте, Шлейермахер и Штеффенс...» [30. С. 44].

³⁰ Среди принципов, которыми руководствовался Вильгельм фон Гумбольдт при создании Берлинского университета, можно найти все типичные для немецкого трансцендентализма идеологемы: «примат и автономия Разума», «академическая свобода» и «культ критической способности» [3; 31; 32]. Но, возможно, самым важным организационным изменением, связанным с открытием Берлинского университета (а затем и его повсеместным признанием в качестве эталонного образца предстоящей «университетской революции»), стало то, что переживший эту чудесную метаморфозу «низший» философский факультет перестал быть только «подготовительным», превратившись в «выпускающий», что означало возможность присуждения высших университетских степеней для тех лиц, которые получили на нем свое образование. К слову сказать, эта весьма существенная социальная практика была приобретена философским факультетом как раз-таки на пороге развернувшихся во второй половине XIX в. демаркационных войн и междисциплинарных споров, целью которых была борьба за контроль над академическим сообществом (в том числе через контроль над университетскими кафедрами).

³¹ Именно этим философским фигурам обязан своим возвышением «низший» факультет (равно как и все рожденные в его недрах и стремительно дифференцирующиеся весь XIX в. дисциплины). Благодаря их стараниям и настойчивости еще на заре «университетской революции» некогда «низший» философский факультет переродился в центр университетской жизни и всю первую половину XIX века успешно «играл роль исследовательского и преподавательского института во всех дисциплинах гуманитарных и естественных наук (позднее названных так-овыми, то есть *Geisteswissenschaften* и *Naturwissenschaften*)...» [26. С. 67].

³² Изучая идеологическую историю университета, Билл Ридингс намеренно обращает наше внимание на тот факт, что «немецкие идеалисты достигли действительно выдающегося результата: они обосновали и первыми проанализировали знание и его социальную функцию» [5. С. 103].

³³ Здесь, разумеется, содержится явная аллюзия к утверждениям Эмиля Дюркгейма и Марселя Мосса о том, что «методы научного мышления – это подлинные социальные институты» [33. С. 56].

³⁴ Стоит помнить о том, что активная пропаганда философских идей, изложенных Иммануилом Кантом в четырех «Критиках» («Критика чистого разума», впервые опубликована в 1781 г.; «Критика практического разума» – 1788 г., «Критика способности суждения» – 1790 г. и «Спор факультетов» – 1798 г.), не только сделала возможной «университетскую революцию» на принципах идеи «Разума», но и на долгие годы продолжила жизнь самой системе университетского образования, так как настроения в немецком обществе начала XIX в. по отношению к нему были более чем неблагоприятными. В частности, Герберт Шнедельбах отмечает, что основным противником для нового исследовательского университета Вильгельма фон Гумбольдта были многочисленные приверженцы наполеоновской утилитарной модели учебного заведения (а вовсе даже не любители прежнего средневекового устройства университетской жизни), ставившие под сомнение целесообразность существования университета как такового. И это была весьма влиятельная в немецком обществе группа, о чем свидетельствует тот любопытный факт, что «многочисленные случаи закрытия университетов во время наполеоновских войн (а за этот период были закрыты более половины всех университетов Германии. – *А.Н.*) не вызывали сколько-нибудь значительного эха сожаления» [3. С. 67].

³⁵ Впрочем, этому весьма способствовал и сам новый академический символ веры (например, в этом отношении нам достаточно лишь фрагментарного знакомства с риторикой Иоганна Фихте, которую он использовал для обоснования «священной роли ученого сословия» [28. С. 230–231]), и то, что «идеология „немецкого университета“, а именно программное („философское“) приравнивание организационного и функционального сообществ ученых к совершенному единству наук, содержала посылку о том, что философия подготавливала студентов к научному мышлению как таковому» [26. С. 88].

³⁶ Обретаемое философией в борьбе за университеты *jus justitia*, предполагающее право для философа приводить свои собственные аргументы без каких-либо ограничений и судить об обоснованности аргументов соперника, ставила потенциальные академические роли, вводимые посредством этой идеи, в заведомо привилегированное положение, и поскольку отныне интеллектуальное «отпущение грехов» могло быть санкционировано только философией, а значит, любая социальная роль, которую кто-либо предлагал ввести при помощи собственных оригинальных идей и аргументов, могла быть подвергнута философскому *veto*, именно критика становится неотъемлемой и наиболее сильной частью любой философской аргументации. Надо полагать, что именно этого добивался сам Иммануил Кант, полемизируя с апологетами «высших» факультетов и аргументируя в пользу академических свобод для философов и их права критиковать всех остальных интеллектуалов [18. С. 74–89].

³⁷ Важным обстоятельством, оказавшим косвенное влияние на катастрофическое падение статуса теолого-богословских идей, является и общеорганизационная кризисная тенденция, наметившаяся в этот период в среде немецких университетов. По данным Рэндалла Коллинза, за период с 1792 по 1818 г. были закрыты 22 из 42 немецких университетов, причем подавляющее большинство из распущенных университетов было расположено в католических областях Германии, составляющих своеобразный *Heartland* земель спекулятивной теологии и богословия [1. С. 832].

³⁸ Последствия этой гиперинфляции говорят сами за себя – спекулятивная теология и богословие оказались разорены до такой степени, что даже сейчас, спустя столь значительный период, последовавший за «университетской революцией», трудно себе представить возможность восстановления хотя бы части их прежнего и некогда внушительного символического капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Коллинз Р. Социология философий. Глобальная теория интеллектуального изменения. Новосибирск : Сибирский хронограф, 2002. 1282 с.
2. Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных заведений в Берлине // Неприкосновенный запас. 2002. № 2 (22). С. 5–10.
3. Шнедельбах Г. Университет Гумбольдта // Логос. 2002. № 5–6 (35). С. 65–78.
4. Рингер Ф. Закат немецких мандаринов: Академическое сообщество в Германии, 1890–1933. М. : Новое литературное обозрение, 2008. 648 с.
5. Ридингс Б. Университет в руинах. М. : ИД НИУ ВШЭ, 2010. 304 с.
6. Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М. : Новое литературное обозрение, 2005. 248 с.
7. McClelland C.E. State, Society and University in Germany, 1700–1914. Cambridge : Cambridge University Press, 1980. 392 p.
8. Ringer F. Fields of Knowledge. French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890–1920. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 393 p.
9. Weisz G. The Emergence of Modern Universities in France, 1863–1914. Princeton : Princeton University Press, 1983. 416 p.
10. Clark T.N. Prophets and Patrons: The French University and the Emergence of the Social Science. Cambridge : Harvard University Press, 1973. 320 p.
11. Rothblatt S. The Revolution of the Dons. Cambridge and Society in Victorian England. Cambridge : Cambridge University Press, 1968. 326 p.
12. Veysse L.R. The Emergence of the American University. Chicago : University of Chicago Press, 1965. 520 p.
13. Дмитриев А. По ту сторону «университетского вопроса»: правительственная политика и социальная жизнь российской высшей школы (1900–1917 годы) // Университет и город в России (начало XX века). М. : Новое литературное обозрение, 2009. С. 109–204.
14. Щетинина Г.И. Университеты в России и устав 1884 г. М. : Наука, 1976. 232 с.
15. Шеллинг Ф.В.Й. Лекции о методе университетского образования. СПб. : Мирь, 2009. LXXXVIII + 352 с.
16. Кант И. Критика чистого разума. М. : Мысль, 1994. 591 с.
17. Derrida J. Mochlos; or, The Conflict of the Faculties // Logomachia: The Conflict of Faculties. Lincoln : University of Nebraska Press, 1992. P. 1–34.
18. Кант И. Спор факультетов. Калининград : КГУ, 2002. 286 с.
19. Кант И. Религия в пределах только разума. М. : ЛИБРОКОМ, 2012. 304 с.
20. Калинин Л.А. О «Споре факультетов» как итоге: профессорско-педагогическом, философско-мировоззренческом, валеолого-диететическом // Кант И. Спор факультетов. Калининград : КГУ, 2002. С. 3–24.
21. Гильманов В.Х. Гаман и Кант: Битва за «Чистый Разум» // Кантовский сборник. 2012. № 2. С. 56–64.
22. Дильтей В. Описательная психология. СПб. : Алетейя, 1996. 160 с.

23. Дильтей В. Дополнения к построению исторического мира // Собрание сочинений : в 6 т. Т. 3 : Построение исторического мира в науках о духе. М. : Три квадрата, 2004. С. 380–405.
24. Гаман И.Г. Рецензия на трактат И. Канта «Критика чистого разума» // Кантовский сборник. 2012. № 2. С. 50–55.
25. Гельмгольц Г. Об академической свободе в немецких университетах // Отечественные записки. 2003. № 6 (15). С. 233–248.
26. Шнайдер У.И. Преподавание философии в немецких университетах в XIX веке // Логос. 2004. № 3–4 (43). С. 61–90.
27. Fichte J.G. Deducirer Plan einer zu Berlin zu errichtenden neueren Universität, 1807 // Fichte, Schleiermacher, Steffens über das Wesen der Universität. Leipzig : Verlag der Dürr'schen Buchhandlung, 1910. S. 1–104.
28. Фихте И.Г. О сущности ученого и ее явлениях в области свободы // Наставления к блаженной жизни. М. : Канон+, 1997. С. 167–258.
29. Фокин И.Л. Система университетского образования Канта, Фихте и Шеллинга // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2010. Т. 11, вып. 3. С. 88–96.
30. Фурман М. Вильгельм фон Гумбольдт и Берлинский университет // Вопросы образования. 2010. № 3. С. 32–47.
31. Дуда Г. Введение к меморандуму Вильгельма фон Гумбольдта «О внутренней и внешней организации высших учебных заведений в Берлине» // Университетское управление. 1998. № 3 (6). С. 24–27.
32. Дуда Г. Идеи В. фон Гумбольдта и высшее образование в конце XX века // Современные стратегии культурологических исследований: Труды Института европейских культур. М. : РГГУ, 2000. Вып. 1. С. 59–67.
33. Дюркгейм Э., Мосс М. О некоторых первобытных формах классификации. К исследованию коллективных представлений // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М. : КДУ, 2011. С. 55–124.
34. Кант И. Критика способности суждения. СПб. : Наука, 2001. 512 с.

Статья представлена научной редакцией «Философия, социология, политология» 6 сентября 2013 г.

Nekhaev Andrey V. Omsk State Technical University (Omsk, Russian Federation). DOI: 10.17223/15617793/378/14
ACADEMIC FEUDALISM, UNIVERSITY REVOLUTION, AND THE FIGURE OF THE PHILOSOPHER.

Key words: university; Faculty of Philosophy; sciences demarcation; disciplinary disputes; academic practice.

The article examines the role and importance of the figure of the philosopher and the Faculty of Philosophy in the period of "University Revolution" (first half of the 19th century). Special attention is paid to the influence of some ideas of the members of transcendentalism (I. Kant, J.G. Fichte, F.W.J. Schelling) on the observed institutional changes in the German Universities during this period. Active propaganda of the principles "Reason" and "Critics" by the German transcendentalists formed the basis of the ideology of the new research University, it contributed to the emancipation of the academic practices and stimulated the process of sciences demarcation. Under the influence of the ideology of German transcendentalism a new institutional form of science and research practices was founded where philosophy held control over legitimation means of scientific activity. Wilhelm von Humboldt oriented on the philosophical means of legitimizing when he was founding the University of Berlin. Therefore, it is not surprising that the value of the Faculty of Philosophy in the new research University is growing from the beginning of the 19th century. Thanks to this, the Faculty of Philosophy served as a common platform for a set of differentiating disciplines until the second half of the 19th century. However, the emancipation of the Faculty of Philosophy and the cult of academic freedom in the new research University become the source feeding the radical anti-philosophic rhetoric of the new academic disciplines which seek independence and autonomy from the figure of the philosopher. The dichotomy of the natural sciences and the human studies by Neo-Kantianism, the struggle with psychologism and logicism, the dynamics of the popularity of the ideas of radical materialism, as well as many other events in the history of science of the 19th century are connected with the changing role of the figure of the philosopher and the Faculty of Philosophy in the University structure and in the scientific community. It all requires to take into account the ambivalent role of the figure of the philosopher in initiation and control over the debates on the scope of science, and demarcation disputes about the autonomy of particular disciplines when we study the history of science in the 19th century. The social function of knowledge (first discovered by the German transcendentalists) allows to consider philosophy as a frame of institutional analysis of scientific knowledge. The philosophical reflection and the growth of scientific knowledge are closely related to each other in the 19th century. The best evidence for this is the fact that lengthy disciplinary wars instead of emptying the content of philosophy become a source for new philosophical concepts – Neo-Kantianism, phenomenology, logical positivism. The reported study was partially supported by RFBR, research project No. 13-06-00010a.

REFERENCES

1. Kollinz R. Sotsiologiya filosofiy. Global'naya teoriya intellektual'nogo izmeneniya. Novosibirsk : Sibirskiy khronograf, 2002. 1282 s.
2. Gumbol'dt V. O vnutrenney i vneshney organizatsii vysshikh nauchnykh zavedeniy v Berline // Neprikosnovenny zapas. 2002. № 2 (22). S. 5–10.
3. Shnedel'bakh G. Universitet Gumbol'dta // Logos. 2002. № 5–6 (35). S. 65–78.
4. Ringer F. Zakat nemetskikh mandarinov: Akademicheskoe soobshchestvo v Germanii, 1890–1933. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 648 s.
5. Ridings B. Universitet v ruinakakh. M. : ID NIU VShE, 2010. 304 s.
6. Kopysov N.E. Khvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nykh nauk. M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. 248 s.
7. McClelland C.E. State, Society and University in Germany, 1700–1914. Cambridge : Cambridge University Press, 1980. 392 p.
8. Ringer F. Fields of Knowledge. French Academic Culture in Comparative Perspective, 1890–1920. Cambridge : Cambridge University Press, 1992. 393 p.
9. Weisz G. The Emergence of Modern Universities in France, 1863–1914. Princeton : Princeton University Press, 1983. 416 p.
10. Clark T.N. Prophets and Patrons: The French University and the Emergence of the Social Science. Cambridge : Harvard University Press, 1973. 320 p.
11. Rothblatt S. The Revolution of the Dons. Cambridge and Society in Victorian England. Cambridge : Cambridge University Press, 1968. 326 p.
12. Veyssey L.R. The Emergence of the American University. Chicago : University of Chicago Press, 1965. 520 p.
13. Dmitriev A. Po tu storonu «universitetskogo voprosa»: pravitel'stvennaya politika i sotsial'naya zhizn' rossiyskoy vysshey shkoly (1900–1917 gody) // Universitet i gorod v Rossii (nachalo XX veka). M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 2009. S. 109–204.
14. Shchetinina G.I. Universitety v Rossii i ustav 1884 g. M. : Nauka, 1976. 232 s.
15. Shelling F.V.Y. Lektsii o metode universitetskogo obrazovaniya. SPb. : Mir, 2009. LXXXVIII + 352 s.
16. Kant I. Kritika chistogo razuma. M. : Mysl', 1994. 591 s.
17. Derrida J. Mochlos; or, The Conflict of the Faculties // Logomachia: The Conflict of Faculties. Lincoln : University of Nebraska Press, 1992. P. 1–34.
18. Kant I. Spor fakul'tetov. Kaliningrad : KGU, 2002. 286 s.
19. Kant I. Religiya v predelakh tol'ko razuma. M. : LIBROKOM, 2012. 304 s.

20. Kalinnikov L.A. O «Spore fakul'tetov» kak itoge: professorsko-pedagogicheskoy, filosofsko-mirovozzrencheskoy, valeologo-dieteticheskoy // Kant I. Spor fakul'tetov. Kaliningrad : KGU, 2002. S. 3–24.
21. Gil'manov V.Kh. Gaman i Kant: Bitva za «Chisty Razum» // Kantovskiy sbornik. 2012. № 2. S. 56–64.
22. Dil'tey V. Opisatel'naya psikhologiya. SPb. : Aleteya, 1996. 160 s.
23. Dil'tey V. Dopolneniya k postroyeniyu istoricheskogo mira // Sbornik sochineniy : v 6 t. T. 3 : Postroyeniye istoricheskogo mira v naukakh o dukhe. M. : Tri kvadrata, 2004. S. 380–405.
24. Gaman I.G. Retseziya na traktat I. Kanta «Kritika chistogo razuma» // Kantovskiy sbornik. 2012. № 2. S. 50–55.
25. Gel'mgol'ts G. Ob akademicheskoy svobode v nemetskikh universitetakh // Otechestvennyye zapiski. 2003. № 6 (15). S. 233–248.
26. Shnayder U.I. Predavaniye filosofii v nemetskikh universitetakh v XIX veke // Logos. 2004. № 3–4 (43). S. 61–90.
27. Fichte J.G. Deducirter Plan einer zu Berlin zu errichtenden neueren Universität, 1807 // Fichte, Schleiermacher, Steffens über das Wesen der Universität. Leipzig : Verlag der Dürr'schen Buchhandlung, 1910. S. 1–104.
28. Fikhte I.G. O sushchnosti uchenogo i ee yavleniyakh v oblasti svobody // Nastavleniya k blazhennoy zhizni. M. : Kanon+, 1997. S. 167–258.
29. Fokin I.L. Sistema universitetskogo obrazovaniya Kanta, Fikhte i Shellinga // Vestnik Russkoy khristianskoy gumanitarnoy akademii. 2010. T. 11, vyp. 3. S. 88–96.
30. Furman M. Vil'gel'm fon Gumbol'dt i Berlinskii universitet // Voprosy obrazovaniya. 2010. № 3. S. 32–47.
31. Duda G. Vvedeniye k memorandumu Vil'gel'ma fon Gumbol'dta «O vnutrenney i vneshney organizatsii vysshikh uchebnykh zavedeniy v Berline» // Universitetskoye upravleniye. 1998. № 3 (6). S. 24–27.
32. Duda G. Idei V. fon Gumbol'dta i vysshee obrazovaniye v kontse XX veka // Sovremennyye strategii kul'turologicheskikh issledovaniy: Trudy Instituta evropeyskikh kul'tur. M. : RGGU, 2000. Vyp. 1. S. 59–67.
33. Dyurkgeym E., Moss M. O nekotorykh pervobytnykh formakh klassifikatsii. K issledovaniyu kollektivnykh predstavleniy // Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost'. Trudy po sotsial'noy antropologii. M. : KDU, 2011. S. 55–124.
34. Kant I. Kritika sposobnosti suzhdeniya. SPb. : Nauka, 2001. 512 s.